

Бабель на польской сцене

Марк СОКОЛЯНСКИЙ

Всякая книга начинается с титула, а титул — с имени автора. Имя польского литературоведа, заведующего кафедрой русской литературы Познаньского университета им. Адама Мицкевича Чеслава Андрушко хорошо известно в профессиональных кругах; в частности, многим из нас знакомы его основательные труды, посвященные творчеству Исаака Бабеля.

Назову, к примеру, вышедшую двенадцать лет тому назад интересную монографию польского коллеги «Жизнеописание Бабеля, Исаака Эммануиловича», написанную, между прочим, на русском языке.

В 2004 г. Третья конференция из серии «Одесса и еврейская цивилизация», проводившаяся центром «Мигдаль», была посвящена 110-летию со времени рождения замечательного писателя-одессита. Участвовал в ее работе и профессор Андрушко, сделавший доклад о сценической судьбе бабелевской драматургии в Польше. Большая часть аудитории смогла почувствовать, что звучит не проходное сообщение, а интересный доклад, и его автор в эту проблематику вжил основательно. По прошествии года в издательстве Познаньского университета вышла — в этот раз на польском языке — его книга «Исаак Бабель на польских сценах».

Открывается она очерком «на заданную тему», представляющим собою развернутый текст доклада, сделанного Чеславом Андрушко в Одессе. Очерк этот отличается завидной информативностью. Автор не просто констатирует, что в межвоенную пору творчество Бабеля не встретило в Польше должного отклика, а стремится объяснить такое явление. В самом деле, уже в конце 1920-х гг. Бабель — не только всесоюзная знаменитость, но и приметный на европейском литературном фоне талант, а в Польше интерес к его сочинениям еще никак не обозначился. Андрушко считает, что такое «невнимание» на его родине к Бабелю было в значительной мере определено участием писателя в большевистской кампании против Польши в 1920 г. — события, нашедшем яркое отражение в романе «Конармия».

Живой интерес к Бабелю в Польше начался с середины 1950-х гг., когда имя писателя было возвращено из области насильственного забвения в СССР и во всем т.н. «социалистическом лагере». Сначала любознательные польские читатели потянулись к прозе неизвестного им дотоле Мастера, а затем наступила очередь двух бабелевских драм — «Заката» и «Марии». «Закат» в переводе Ежи Помяновского был опубликован в одном из польских ежемесячников в 1957 г., а спустя несколько лет увидел свет ramпы в столице. Любопытно, что первой ласточкой явилась постановка фрагментов драмы студентами Высшей Театральной Школы в Варшаве в 1964 г., а в декабре 1966 г. состоялась премьера «Заката» в знаменитом краковском Старом Театре. Ставил пьесу известный режиссер Ежи Яроцкий, и эта работа была признана в 1967 г. лучшим спектаклем театрального сезона в стране.

За вступительным очерком следует полная историография постановок бабелевских пьес польскими театрами с 1966 по 1999 гг. Ставился за эти годы «Закат» 13 раз, а «Мария» с 1974 по 1983 гг. — трижды (не слишком часто, но все же почаще, чем на родине драматурга). Историография позволяет заинтересованному театралу узнать, что ставили пьесы Бабеля в Варшаве, Кракове, Лодзи, Вроцлаве, Гданьске, Торуне, Ченстохове и в совсем небольших городах. Помимо краковского Старого Театра, «Закат» играли в таких приметных театрах, как Варшавские «Атенеум» и Театр Повшехны, вроцлавский Театр Вспулчесны и др. В 1976 г. пьеса появилась в афише варшавского Еврейского Театра им. Эстер Рохл Каминьской. Перевел пьесу на язык идиш Михал Фридман, режиссуру осуществил Анджей Витковски, оформляла спектакль талантливая театральная художница Зофья Верхович. Спектакль был восстановлен в 1983 г., с успехом шел в Польше, игрался театром на гастролях в ФРГ.

Обо всем этом Ч. Андрушко пишет сжато, но точно и выразительно. Желаящему узнать поподробнее о театральных работах прежних лет предложен в книге перечень рецензий, посвященных каждой из постановок. Точно указаны источники театральных и библиографических сведений: рецензируемый труд ведь написан не газетно-журнальным критиком, а специалистом-исследователем.

Впрочем, все эти сведения вместе со вступительной статьей занимают лишь половину объема книги. Вторая ее половина не менее значительна, ибо содержит новые переводы обеих бабелевских пьес на польский язык, и выполнены они... самим Чеславом Андрушко. Познаньский профессор с уважением пишет о первых переводах Ежи Помяновского, но приходит к выводу, что свой век они уже отслужили, а польский зритель и читатель нуждается в новых, более современных и в то же время художественно точных переводах. Эту трудную работу автор выполнил самостоятельно.

Наш познаньский коллега прекрасно знает русский язык и имеет уже опыт переводческой работы. Пожалуй, для работы над переложением «Марии» на польский язык этого вполне достаточно. Но «Закат» с его героями, в речи которых сплелись воедино элементы русской лексики, еврейского синтаксиса и украинской орфоэпии, представляет собой крепкий орешек для любого, самого опытного мастера

художественного перевода. Нужно сказать, что смелость переводчика на сей раз была оправданной. Чеслав Андрушко досконально изучил творчество Бабеля, многожды скрупулезно копался в текстах его произведений, а, кроме того, не раз бывал в Одессе и искренне любит черноморский город. Посему, на мой взгляд, в целом справился он с нелегкой задачей. Думаю, что и влюбленный в творчество автора «Конармии» одессит, владеющий к тому же польским языком, лишь поначалу почувствует при чтении некоторую непривычность, но где-то со второй сцены уже ощутит себя погруженным в мир бабелевских героев, слов, мыслей.

В ходе исследования произведений любимого писателя познаньский профессор пришел к важному выводу, что «драматургия Бабеля требует нового взгляда — прежде всего в свете еврейской традиции и духовного наследия иудаизма». Он одним из первых остро почувствовал приглушенность следов этой традиции в интерпретации Бабеля как переводчиками, так и литературной критикой. Не обвиняя своих предшественников, которым подчас цензура не позволяла даже заикнуться о запрещенном, в своем переводе, как и в книге о писателе, Андрушко учитывает роль еврейского компонента в поэтике «Заката».

Конечно, знатоки творчества знаменитого прозаика и драматурга, с их органичной придирчивостью, найдут в обсуждаемых переводах какие-то мелкие неточности — не смысловые, конечно, а сугубо стилистические. Но признаем, что всякий перевод дает пищу для критики, ибо различие между языками (не говоря уж о подязыках) — особенно во фразеологии — не всегда позволяет достигнуть абсолютной адекватности. К примеру, Боярский в «Закате» не раз перечисляет месяцы таким образом: «Сентяб, октяб, нояб, декаб...» Попробуйте в польских названиях последних четырех месяцев года произвести такие же сокращения, и у вас ничего не получится; вот и приходится переводчику называть месяцы полностью, утрачивая тем самым некоторое своеобразие речи персонажа. Подобных трудных для передачи на ином языке мест в «Закате» немало.

И все же каких-то мелких несообразностей можно было бы, наверное, избежать. Так, в списке действующих лиц Бен Зхарья представлен как «раввин Молдаванки». Но ведь на Молдаванке, помимо «синагоги общества извозопромышленников», была еще не одна синагога, а соответственно — не один раввин. Вот и у Бабеля Бен Зхарья значится как «Раввин на Молдаванке», то есть один из многих. В восьмой сцене пьесы (в оригинале) «старший кучер» Никифор обращается к гостям Криков: «Уважающие гости!» Активный залог причастия выдает необразованность персонажа. В переводе находим иное, вполне традиционное и грамотное обращение: «Szanowne goscie!» («Уважаемые гости!»). Что-то с изменением залога утеряно. Такого рода не всегда приметных неточностей в работе Ч. Андрушко немного, а стоят они упоминания хотя бы потому, что их легко исправить при последующих публикациях перевода. Полагаю, что таковые появятся: редакторы и составители новых изданий Бабеля на польском языке наверняка предпочтут новые переводы старым.

А главное — эти переводы должны послужить польским театрам, которые возымеют желание поставить новые спектакли по бабелевским пьесам. Польский театр — это всегда интересно, а польский театр, ставящий драмы Бабеля, для нас интересен вдвойне. Потому-то и не можем мы пройти мимо новой серьезной работы видного польского бабелеведа.